

мору“ и т. д. К этому же разряду относится и напечатанная в 1915 г. в Житомире работа Н. И. Маньковского, как указано на титульном листе, преподавателя Волынской духовной семинарии по кафедре физики и математики. Считая „Слово“ произведением устным и песенным, а не книжным, он разбивает его на стихи и вводит коньектуры, во многих случаях столь же нелепые, как и коньектуры Лонгинова.

По фантастичности ряда коньектур в „Слове“ с книгами Лонгинова и Маньковского немало общего имеет и книга английского ученого Магнуса, вышедшая в Оксфорде в 1915 г. и содержащая в себе, кроме текста „Слова“ и его перевода на английский язык, предисловие и примечания.

В 1909 г. вышел в свет труд Ф. Е. Корша: „Слово о полку Игореве“ (вып. 6-й II тома „Исследований по русскому языку“. Изд. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук). Считая „Слово о полку Игореве“ произведением песенного характера, Корш предлагает текст памятника, разложенный на стихи (числом 647). По стихосложению он считает „Слово“ близким к великорусским былинам и украинским думам. Из сочинений, близких к своей работе и по мысли и по обработке „Слова“, Корш называет работу Ю. Тиховского „Прозою или стихами написано «Слово о полку Игореве»?“, в которой дан полный текст „Слова“, разбитый на стихи украинских дум. Нормой, по которой строился размер „Слова“, автор считает былинный стих в $\frac{4}{4}$ такта, не везде, впрочем, выдержанный. Однако прежде чем разложить „Слово“, руководствуясь былинным размером, Корш производит над его текстом довольно сложные операции. Ему прежде всего бросается в глаза строго выдержанная в мусин-пушкинском тексте постановка букв ъ и ь по церковно-славянски, после плавных, а не по-русски — перед плавными. Отсюда он заключает, что неизвестный переписчик XV—XVI в. „подгонял почти каждое слово и почти каждую грамматическую форму своего подлинника под тот образец книжной речи, который был ему знаком из южно-славянских рукописей или верных списков с них“. Поэтому первая задача всякого, кто хотел бы составить себе истинное представление о памятнике, — это, „удалив из него церковно-славянские примеси, перевести его на древне-русский язык и притом, по возможности, более чистый и народный, чем язык летописей, далеко не свободный от церковного налета“. „Такой перевод, — говорится далее, — не только изменяет впечатление от этого высокопоэтического памятника, приближая его к привычной нам народной песне, но и обнаруживает стихотворный склад речи там, где он уничтожен превращением русских форм в церковно-славянские“.

Нам представляется прежде всего совершенно неясным, какую научную ценность может иметь предпринятый Коршем „перевод“. Очевидно, автор возвращается к давно уже оставленному взгляду, по которому „Слово“ первоначально было устным произведением и лишь затем кем-нибудь записано (впрочем, определенно он об этом нигде